

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. АВДИЕВ. История древнего Востока, ОГИЗ, 1948, 588 стр., цена 13 руб.

Советские читатели получили новый курс по истории древнего Востока. Книга представляет труд, основанный на длительном изучении источников, содержит много интересных, ранее мало использовавшихся данных. Автор обильно цитирует разнообразные источники. Книга хорошо иллюстрирована удачным подбором воспроизведенных памятников древнего Востока в числе которых немало повонайденных. В особую заслугу автору нужно поставить использование материалов археологии.

В своих теоретических установках автор оценивает древний Восток как общество рабовладельческое, несколько менее развитое по сравнению с Грецией и Римом и медленно развивавшееся в связи с особенностями существовавшего на Востоке общинного строя. Эта точка зрения, впервые в развернутом виде выдвинутая и отстаивавшаяся акад. В. В. Струве, в течение ряда лет развивалась также автором рецензируемого труда и другими советскими учеными и в настоящее время является общепринятой в советской науке.

Книге предпослано краткое введение, дающее общее определение объема курса и характера древневосточного общества в целом. Автор дает здесь социально-экономическую характеристику древневосточных обществ и их политической надстройки. Указывая на рабовладельческий характер этих обществ, автор отмечает огромное значение специфической восточной формы общины для их истории. Автор правильно характеризует древневосточное рабство и излагает положения Маркса и Энгельса о фактической принадлежности земли общинам, чему вовсе не противоречит и концентрация всего земельного фонда в руках государства, во главе которого мог стоять в качестве «связующего единства» деспот.

Во «Введении» изложены также вопросы о роли географических условий, об общем ходе развития общины, о значении древневосточной культуры для античного мира.

К сожалению, во «Введении» имеется ряд недостатков. Характеристика восточной деспотии дана в слишком сжатой форме. Может быть, лучше было бы также именно в этом «Введении», а не в заключительном разделе книги остановиться и на принципиальном, исключительно важном указании товарища Сталина в его работе «Марксизм и национальный вопрос» о том, что древневосточные монархии были только конгломератом племен и рас.

В кратком, но четком историографическом очерке автор правильно характеризует роль советской науки в изучении древнего Востока. Он отмечает огромное значение трудов акад. В. В. Струве, который, «основываясь на марксистско-ленинской идеологии, сделал попытку нового построения истории древнего Востока» (стр. 11). Указывается, что, благодаря тщательному изучению документов хозяйственной отчетности времени III династии Ура, В. В. Струве «установил факт существования рабовладельческих отношений в древней Месопотамии в III тысячелетии до н. э.» (стр. 34).

В тексте книги автор неоднократно упоминает также о выдающихся трудах советских лингвистов акад. Н. Я. Марра и его продолжателя акад. И. И. Мешанинова, создавших и разработавших новое учение о языке, помогающее правильно разрешить многие труднейшие вопросы истории древнего Востока.

Автор указывает также, что большое значение для истории древнего Востока имеют исследования советских археологов. Раскопки Б. Б. Пиотровского на Кармир-Блуре дали возможность всесторонне изучить историю и культуру Урарту, а открытия Б. А. Куфтина в Триалети пролили свет на взаимоотношения древнейших народов Кавказа со странами Передней Азии (стр. 401).

Отмечаются также раскопки памятников древнейших периодов истории Средней Азии (стр. 470), проводимые советскими археологами; к сожалению, имена их не названы, в то время как студенту следовало бы быть знакомым хотя бы с именами С. П. Толстова и других выдающихся советских исследователей.

Специально отмечается большой и ценный вклад советской науки в дело изучения восточных религий. В частности, проф. В. И. Авдиев обращает внимание читателя на исследования акад. Н. М. Никольского и проф. А. Б. Раповича, которые положили начало строго критическому изучению библии с точки зрения марксистской науки (стр. 329). Следовало бы, однако, подробнее остановиться на ценных работах по истории религии и мифологии проф. И. Г. Франк-Камецецкого, проф. Ю. П. Францова, проф. М. Э. Матье и других советских ученых. Несмотря на эти пробелы, картина неуклонного роста советской науки в области изучения древнего Востока обрисована достаточно ясно и отчетливо.

Ярко освещена также роль русских ученых досоветского периода (в частности, акад. Б. А. Тураева), причем не затушены отрицательные черты их творчества, связанные с буржуазной идеологией, но в то же время справедливо дана оценка их научных трудов. Отмечая, что в методологическом отношении акад. Б. А. Тураев не смог «преодолеть принципиальных ошибок буржуазной исторической науки» (стр. 10), проф. В. И. Авдиев, однако, обращает внимание на тот бессорный факт, что по глубине знания фактического материала крупнейший русский востоковед «превзошел многих западноевропейских специалистов» (стр. 10). Другой представитель дореволюционной русской науки, М. В. Никольский, дал труды, «стоявшие на уровне высших достижений ассириологии того времени» (стр. 33). Отдается должное и заслугам В. С. Голенищева в деле сбора, изучения и издания египетских памятников (стр. 135). Упоминается также (хотя и мимоходом) талантливый исследователь древнего Закавказья К. П. Патканов (стр. 400).

При оценке трудов западноевропейских и американских востоковедов автор, отмечая достижения наиболее выдающихся среди них, в то же самое время подвергает беспощадной критике антинаучные, идеалистические и расистские построения, характерные для буржуазной науки. Очень удачно вскрывается реакционная сущность теорий циклиста Эд. Мейера (стр. 9), опровергаются вельские преувеличения паннавилонистов (стр. 30) и т. д. Совершенно правильна характеристика, данная современным американским историкам, подчиняющим «свои исторические исследования ярко выраженной реакционной идеологии».

Исторический материал распределен по странам, причем особое внимание уделено Египту (семь глав) и Двуречью (пять глав, включая Ассирию). Остальным странам Востока (в том числе Индии и Китаю)¹ посвящено семь глав.

Анализируя особенности восточного рабовладения, автор показывает, что оно было в значительной степени домашним, что численность рабов была меньше, чем в античных обществах Греции и Рима, и что на Востоке «наряду с рабами было много свободных членов сельских общин» (стр. 6). В то же время делается попытка проследить рост рабовладения в более поздние периоды восточной истории (например, в Новоавилонском царстве) и изменение приемов эксплуатации рабов. Само собой разумеется, что вопрос о характере восточного рабства нуждается еще в дальнейшей разработке и уточнении.

¹ Не считая себя компетентными в области истории Индии и Китая, мы в настоящей рецензии не будем касаться соответствующих глав.

В книге проф. В. И. Авдиева хорошо использованы скудные сведения о классовой борьбе в государствах древнего Востока. Особенно подробно описано восстание бедняков и рабов, известное нам по папирусам Эрмитажа и Лейденского музея. Справедливо указывая на то, что это восстание погрисло «все здание рабовладельческого общества и государства в Египте», автор в то же время оговаривается, что «оно не могло в корне изменить развития исторического процесса» и что повстанцы «не стремились к полному переустройству общества» (стр. 199). Следовало, однако, отметить, что вопрос о датировке восстания остается до сих пор весьма спорным.

Много внимания уделено в рецензируемой книге культуре древневосточных стран, причем очень широко и часто удачно использован археологический материал. Четко дано определение существа военной политики рабовладельческих государств как политики «грабежа соседних народов» (С т а л и н).

Значительная неясность остается у читателя по вопросу об отношениях собственности на древнем Востоке. Известное положение Маркса о том, что «... в большинстве основных *азиатских* форм, *связующее единство*, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает как высший *собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*...»¹, автор толкует в том смысле, что на древнем Востоке царь с самого начала классового общества является верховным собственником всей или почти всей земли. Автор полагает, что верховная собственность царя с течением времени, в связи с ослаблением общины и усилением элементов частной собственности, также скорее ослабляется, чем усиливается (ср. стр. 49 со стр. 379—о Шумере и поздней Ассирии). На самом же деле в древнем Шумере (имеется в виду Лагаш времени Лугальанды и Урукагины) весь земельный фонд страны отнюдь не был сосредоточен в руках государства.² Имелся ряд крупных храмовых хозяйств, вовсе не всегда даже управлявшихся царем или его чиновниками; как показывают многие документы, н а р я д у с ними существовали весьма многочисленные земли семейных общин, с которыми царю для приобретения земли приходилось вступать в сделки, совершенно как всякому другому. Напротив, если уж говорить о праве собственности царя на всю землю государства, несмотря на усиление отдельных частных владельцев, это можно сказать именно об Ассирии позднего периода. Так, если около 2300 г. аккадский царь Маништусу п о к у п а е т землю, то в VIII в. ассирийский царь Саргон II о к а з ы в а е т м и л о с т ь землевладельцам, возмещая им стоимость земли.

Тезис об изначальности царской верховной собственности на землю порою приводит к противоречиям. Например, на стр. 49 автор пишет: «Государственная власть нередко прибегала к захватам общинных земель, часть которых уже и ранее превращалась в собственность богатых представителей общины». Но как это согласовать с тем, что немного выше утверждается: «общинные земли, обрабатывавшиеся свободными крестьянами, считались собственностью государства»?

С тем же, с нашей точки зрения, ошибочным предположением об исконности собственности царя на всю землю, очевидно, связано мнение проф. Авдиева о том, что в Египте, в Древнем царстве, номархи были назначенными чиновниками фараона, которые только при VI династии начинают считать себя полноправными хозяевами области (стр. 177—179), и что до этого номовая знать «владела землей только на основе царского пожалования» (стр. 192). Отсюда же вытекает и то, что проф. Авдиев не го-

¹ К. М а р к с, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Госполитиздат, 1940, стр. 6.

² Данное положение редакция ВДИ находит весьма спорным и, вполне допуская иное решение вопроса (ср. рецензию на эту же книгу В. К. Пикольской, Д. Р. Редера и Н. М. Постовской, ВДИ, 1949, № 3, стр. 104—105), считает целесообразным дальнейшее обсуждение вопросов землевладения на древнем Востоке.

ворит вовсе о том, что права древнеегипетских храмов на землю коренятся в тех общественных отношениях, которые сложились на средней ступени варварства, когда из земельного фонда, остававшегося еще общей собственностью племени, была выделена часть, предназначавшаяся для содержания культа¹.

Автор сам, повидимому, чувствует трудность и поэтому всюду высказывается на тему о государственной собственности на землю весьма неопределенно, нигде не проводя достаточно четкой грани между землей общинников или частных владельцев и паделами из царской земли, которыми первоначально даря только и мог бесконтрольно распорядиться. Это очень ярко показывает приведенная самим автором цитата из одного письма Хаммураби (ст. 83), где речь идет о «бит-абим», о родовой земле общинной (а не частнособственнической, как полагает проф. В. И. Авдиев), на которую верховная собственность даря еще не распространялась и которая поэтому не могла быть произвольно отобрана царскими чиновниками.

Дело здесь заключается в том, что превращение верховного единства общины в верховного и даже единственного собственника земли есть длительный процесс. Само объединение общин должно совершиться и полностью оформиться раньше чем оно может взять в свои руки верховную собственность на весь земельный фонд. Деспот не рождается из недр первобытно-общинной демократии. Маркс говорит о государствах, где уже окончательно создано «связующее единство, возвышающееся над всеми... мелкими коллективами». Возникновение этого типа государства, по состоянию изученности источников древневосточной истории, в то время еще не было известно, и Маркс о нем ничего не говорит. Само собой разумеется, однако, что сначала должна была сложиться восточная форма собственности и «азиатская» община, а уж потом «связующее единство» этих общин.

Дело усложняется еще и тем, что само развитие восточной общины было, очевидно, значительно многообразнее, чем представляется автору, который пишет: «Важнейшей отличительной чертой общественного строя древневосточных народов является длительное сохранение пережитков родового строя, а также прочное, хотя и пережиточное, сохранение древней, сперва семейной, а потом сельской общины» (стр. 4—подчеркнуто нами.—*Рец.*). Между тем восточная община держится на совершенно иной основе, чем община первобытная, а именно на совместном владении или пользовании водой. Поэтому она далеко не всегда по прямой линии восходит к первобытной общине. Отдельные формы общины в условиях рабовладельческого или даже феодального общества могут распадаться, но затем снова будут восстанавливаться на ином основании, пока существует нужда в коллективной ирригации. К тому же семейная община зачастую существует внутри сельской. Все это значительно осложняет историю как общины, так и царской власти.

В этой связи надо сказать, что нельзя, как это делает автор, категорически отрицать возможность существования ограниченной царской власти на Востоке. Нет необходимости видеть в этом модернизацию. Монархия может быть ограничена не только представительными учреждениями, но и пережиточными органами родового строя (народным собранием, советом старейшин). Наоборот, модернизацией является уподобление раннеклассовых государств Урукagina, Телепина² или Саула, а также других, подобных бюрократическим деспотиям более позднего времени. Отрицая на словах самую возможность существования ограниченной монархии на Востоке (например, стр. 285), автор, рассказывая о родоплеменном совете Телепина (там же), об устройстве ассирийских колоний в Малой Азии (стр. 364), об избрании первых израильских царей народом (стр. 344), должен фактически ее признать.

Автор иногда упрощает характеристику социальных отношений на древнем Востоке, часто весьма сложных, и сводит их только к прямому противопоставлению ра-

¹ К. Маркс, Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IX, стр. 48.

² См. П. М. Никольский, Реформа хеттского царя Телепина, ИАН БССР, 1948, № 2, стр. 51 сл.

бывладельцев и рабов. При этом недооценивается значение борьбы внутри господствующего класса, в частности сословной борьбы, для политической истории стран древнего Востока. Правильно подчеркивая основное противоречие между рабовладельцами и рабами, автор недостаточно освещает вопрос о сословиях внутри господствующего класса, которые с течением времени усиливаются настолько, что античные авторы рассматривали их фактически как касты (например, в позднем Египте), что отмечалось Марксом и Энгельсом¹ и не может не привлечь внимания историка.

Автор совершенно обходит молчанием, например, связанный с важной и спорной проблемой факт существования особого сословия вавилонского общества, называемого «мушкецу», так же как и существование хеттского сословия, обозначавшегося тем же термином и представлявшего категорию лиц, сидевших не на вотчинной или общинной, а на непосредственно царской земле.

Нельзя согласиться с проф. В. И. Авдиевым и в отношении его трактовки ряда вопросов этногенеза и взаимоотношений между различными этносами древности. Несмотря на свой принципиально правильный отказ от миграционной теории (стр. 9), он во многих случаях еще не освободился от ее влияния. Так, например, вслед за Г. Чайльдом и рядом других западных исследователей, проф. В. И. Авдиев постулирует существование «прото-шумерийцев», предшествовавших шумерийцам (стр. 31, 39), на основании главным образом изменений в технике керамического и другого производства, что совершенно необязательно связано со смесью этноса; постулируемое существование «прото-шумерийцев» совершенно не отразилось на языке шумерийцев и в других осязаемых явлениях.

Не следовало продолжать трактовать историю древнейшего Двуречья как борьбу двух «этносов» — шумерийского и семитского (стр. 57 и далее), когда прогрессивные ученые, даже на Западе, отказываются от этой концепции². Совершенно в том же плане трактуется древнейшая история Ассирии. На стр. 357 автор пишет, что «в эпоху аморитского завоевания Месопотамии в XX в. до н. э. ассирийские правители вели упорную борьбу с аморитами, основавшими Вавилонское царство. В этой борьбе они опирались на древние города Шумера, которые еще помнили о былом могуществе Шумерского государства»³. Далее идет цитата, в которой говорится об освобождении а к к а д я н (а не шумерийцев, которых в это время уже не существовало⁴, хотя об этом в труде В. И. Авдиева нигде не сказано). Автор, повидимому, полагает, что амориты основали только Вавилонское государство и что борьба Ашшура с Вавилоном носила «этнический» характер. На самом деле аморитские династии существовали тогда во всех месопотамских государствах, кроме Иссина: аморитами были не только Хаммураби, но и Зимри-Лим в Мари, Ибальпизель в Эшнунне, династия Папланума и Гунгунума в Ларсе и даже Шамши-Адад I в Ашшуре, которого автор делает, по неизвестным причинам, защитником бедняков (стр. 368).

Захват власти в Ларсе династией эламского происхождения автор превращает в переселение эламских племен (стр. 68), которые «вторгаются в Месопотамию с востока, прочно (!) оседают в Шумере, превратив Ларсу в один из (!) своих главных (!) опорных пунктов».

Остановимся подробнее на отдельных недочетах и спорных вопросах частного характера и на вопросах методического порядка. Не совсем удачным следует признать то, что каждую главу, охватывающую часто большие отрезки времени, автор

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 154; т. XVII, стр. 374 и прим. 29; т. IV, стр. 30 и др.

² Thorkild Jacobsen, On the alleged conflict between the Sumerians and the Semites, JAOS, 1939, 59,4, стр. 485. сл.

³ Такого государства никогда не существовало. III династия Ура была государством Шумера и Аккада, государство Лугальзагеси — царством Урука и Ура».

⁴ Только на крайнем юге Двуречья, в болотах лагуны Персидского залива, шумерский язык продержался, возможно, до середины II тысячелетия до н. э.

начинает с общего очерка социальной структуры данной страны, а лишь потом переходит к ее политической истории. Такой отрыв общественного строя от политической истории нельзя признать целесообразным, так как он не представляет возможности дать правильное понимание отдельных политических движений и исторических событий в свете и з м е н е н и я общественных условий. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих это.

В главе II («Древнейшие государства Месопотамии») очерк общественного устройства дан отдельно на стр. 41—51. В виде иллюстрации приводятся вперемешку факты, относящиеся к XX—XIX вв. до н. э. (цитата из надписи царя Гупгуннума на стр. 44), к XXV в. до н. э. (стр. 45), к XXII—XXI вв. (факты долгового рабства — стр. 48), снова XXV в. (стр. 49) и снова XVIII в. (там же). В основном, приводятся данные, относящиеся ко времени «раннединастического периода» (от I династии Ура до правления Урукагины в Лагаше, т. е. по XXIV в. до н. э.). Между тем в историческую часть этой главы включено описание событий истории Шумера и Аккада времени III династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.). Этому периоду, широко освещенному в работах акад. В. В. Струве, а также акад. Н. М. Никольского и акад. А. И. Тюменева, уделено всего 1½ страницы (стр. 65—66). Между тем именно к этому времени относится наиболее богатый материал экономического характера, впервые позволивший правильно определить формационную принадлежность древнего Востока. Поэтому этот период заслуживал более подробного освещения. Есть огромная разница в экономическом состоянии общества при Урукагине, когда существовали храмовые хозяйства (лишь постепенно захватываемые царем) с применением на основных сельскохозяйственных работах главным образом труда зависимых свободных, и при III династии Ура, когда существовали гигантские царские хозяйства, полностью поглотившие храмовые, с применением почти исключительно рабского или наемного труда. Понятно, что у читателя не может получиться ясного представления о ходе исторического развития в III тысячелетии до н. э. в Шумере и правильного понимания различных его периодов и исторических событий.

То же самое и в гл. XI («Хеттское государство»). В разделе, посвященном обществу (стр. 283—292), привлекаются данные хеттских законов XIV в. и документов ассирийских колоний XIX в. до н. э., хотя между ними лежат такие события, как уничтожение ассирийской колонизации и создание крупного Хеттского царства не только с совсем иным государственным строем, но и с иной экономикой. И здесь создается искаженная картина общественной жизни и исключается возможность правильно истолковать отдельные моменты истории самого Хеттского царства.

В гл. XIII («Древняя Палестина»), вообще говоря, дающей яркую картину, преимущественно охарактеризовано общество Палестины, каким оно было до образования царств Израиля и Иудеи, несмотря на то, что привлекаются иллюстрации даже из персидского периода. Хозяйство Израиля и Иудеи IX—VIII вв. охарактеризовано недостаточно подробно.

То же явление, в той или иной мере, замечается и во вводных частях других глав.

В результате, несмотря на пространное и часто яркое освещение экономических вопросов, у читателя больше остается в памяти то общее, что связывает экономикой всех древневосточных обществ; отдельные экономические разделы книги оставляют впечатление повторения сходных фактов. То, что является особенным, характеризующим историческое развитие именно данного общества и данного периода, не всегда доходит до читателя.

Как мы уже отмечали, очень ценным в книге В. И. Авдиева является наличие историографических очерков, а также библиографии по главам. Однако если общий очерк историографии вполне удовлетворяет читателя, то нельзя сказать того же об отдельных очерках в каждой главе и о библиографии. Здесь иногда недостаточно учтены достижения советских ученых в области отдельных вопросов истории древнего Востока. Так, не упомянуты совершенно работы акад. В. В. Струве по хронологии (в частности по труду Манефона), по истории и культуре древнего Ирака, по возникновению алфавита; работы М. Э. Матъе по истории родовых пережитков в Египте, по установ-

лению действительного значения «Текстов пирамид» и роли личности в искусстве Египта и ряд других. Если бы автор использовал работы проф. М. Э. Матъе, он не назвал бы представление об авторстве у хеттов явлением «новым для древневосточного мира»¹; если бы он использовал работу одного из рецензентов², он не поместил бы репродукции «табличек Блау» времени позднего Джемдет-Насра с подписью «Древнейшие шумерийские надписи: древнейший шумерийский письменный памятник»³ (лет на 300—500 старше «документов Блау») хранится в СССР, в Эрмитаже.

Особенно много возражений вызывает библиография. Работ советских авторов в ней указано много, хотя их список и далеко не исчерпан; к тому же не все перечисленные в библиографии работы использованы в тексте. Почему в библиографии к главе об Иране указана реакционная книга Hertel'я, «Die Zeit Zoroasters» и не указаны ценные работы о зороастризме акад. В. В. Струве? Почему в главе о древнем Вавилоне вместо научного перевода законов Хаммураби И. М. Волкова читатель отсылается к компиляции неизвестного А. Г. Гусакова 1904 г.? Такие вопросы приходят на ум на каждой странице библиографии. В библиографических ссылках имеется ряд фактических ошибок.

Все указанные нами недостатки общего порядка должны, конечно, быть устранены в последующих изданиях.

Остановимся теперь на некоторых более существенных фактических ошибках автора по главам книги.

К главе II

Рисунок на стр. 37 представляет не оттиск печати с именем Саргона I, а оттиск печати Ибнишаррума, писца царя Шаркалишарри⁴, что видно из воспроизведённой на рисунке надписи.

Неверно, что аристократам, «большим людям» (лугаль) в Шумере противостояли «маленькие люди» (стр. 48). «Большой человек» (лугаль) означает по-шумерски «хозяин», «владелец», позже — «царь». Термина «маленькие люди» в социальном смысле Шумер не знает.

Чиновник «нубада» — это не лицо, сосредоточивавшее «в своих руках управление всей хозяйственной жизнью страны» (стр. 50), а управляющий хозяйством отдельного храма. Совершенно неверно, что он «стоял во главе гражданской палаты, которая ведала заключением договоров».

На рисунке, помещённом на стр. 52, изображен Ур-Нанше, правитель Лагаша, не «во главе торжественной процессии», а в верхнем ряду — стоящим перед своими детьми, в нижнем — сидящим перед ними.

Неверно, что «последние представители династии Ур-Нанше все больше и больше теряют свое влияние, уступая его чрезмерно усилившимся первосвященникам» (стр. 55). Напротив, последние представители династии Ур-Нанше сами были первосвященниками и захватили в свои руки храмовое хозяйство.

¹ М. Э. М а т ъ е , Роль личности художника в искусстве древнего Египта, ТОВЭ, IV, стр. 5—99. Египтяне знали индивидуальных авторов литературных произведений; это ясно видно по «Ответу на песнь арфиста» из папирусов Честер-Битти. В ряде случаев авторы известны и в Вавилонии, например, автор «Поэмы об Ирре»(?), строитель «Этеменанки» в Вавилоне («Вавилонской башни»).

² И. М. Д љ я к о в , К вопросу о происхождении письменности в Двуречье, ТОВЭ, III, стр. 27 сл.

³ Кстати, едва ли правильно автор называет все письменные документы «надписями».

⁴ Это имя автор по старинке ошибочно читает «Шарганишари»

Шумерское *ri-lul-da* теперь переводится не «произвол» (там же), а, наоборот, «закон». Выражение *ri-lul-da u₄-bi-ta e-me-a* в надписи Урукагины означает «закон раньше в этом состоял».

«КА.ДИ не «богиня правды и справедливости» (стр. 58), а написание имени богини Сатран.

К главе IV

На стр. 92 смешаны идеограммы (существующие в вавилонской клинописи отнюдь не «пережиточно») ¹ и детерминативы, имеющие в вавилонском письме совершенно различные функции. Полифония клиновисных знаков возникла задолго до появления семитов, и вовсе не приспособлением клинописи к аккадскому языку объясняется создание полифонической системы письма (стр. 93).

Строку 4 приводимой на стр. 94 цитаты из космогонического эпоса «Энума элиш» надо читать «Мумму (и) Тнамат, родившая всех их», а не «Мумму-Тнамат, которая землю и небо в их совокупности создала». Мумму и Тнамат — два лица, а не одно.

Вместо «Баббар» имя шумерийского бога солнца лучше читать «Уту». Имя «Нинмах» означает не «богиня-мать», а «великая госпожа».

Астральный культ в Вавилонии, как уже давно установлено, — явление позднее (стр. 96).

Изложение поэмы о Гильгамеше и стихотворные цитаты взяты из вольного переложения Гумилева. Многие излагаемые моменты сочинены Гумилевым и отсутствуют в оригинале (например, в оригинале нет прямого указания на то, что Гильгамеш заставлял жителей Урука строить городские стены; двуступище на стр. 103 сочинено Гумилевым).

К главе VII

Хотя патриархальный характер ранних форм рабства не вызывает сомнений, все же следует отметить, что слова «седжу» в значении «слуга», «раб» (стр. 164) в египетском языке не существует.

К главе VIII

Называть «Речения красноречивого крестьянина» сказкой (стр. 194) совершенно невозможно. Как можно именовать обидчика «красноречивого крестьянина» «рабом», если, согласно тексту, у этого «раба» имеется слуга и дом, а судьи при первом разборе жалобы обиженного высказывают предположение — не зависимый ли это от обидчика крестьянин?

К главе X

Утверждение, что «древнеегипетская орфография не знала строгих правил: правописание каждого слова могло изменяться в каждом отдельном случае» (стр. 245), не соответствует действительности. Доказано, что по орфографии слов можно вполне надежно датировать тексты.

Невозможно, заявив сначала, что тенденции к реализму ярче всего проявляются в изображениях «слуг и рабов», в качестве конкретного примера привлекать статуи «Каапера (сельского старосты) и знаменитого луврского писца» (стр. 270). Каапер имел собственную гробницу и был жрецом-херихебом, а так называемый «луврский писец» — это, повидимому, судья по имени Каи. «Сельский староста» — случайное прозвище статуи Каапера, данное ей рабочими при раскопках, вследствие ее сходства со старостой их деревни.

¹ Полный список употребляемых в вавилонской клинописи идеограмм занимает четыре толстых тома.

К главе XI

Княжество Альзе было расположено не в верховьях Тигра (стр. 293), а в верховьях Евфрата (у слияния Арапани с Евфратом) ¹.

К главе XII

В подписи к таблице шрифтов (стр. 319) следует переменить местами финикийский и древнееврейский шрифты: крайний левый столбец дает еврейский квадратный, предшествующий — финикийский шрифт. Нужно оговорить, что египетский шрифт в таблице — иератический.

К главе XIII

Филистимляне по-египетски — не «Пелешет» (стр. 334), а *prst*, читай «пелести»?; по-древнееврейски филистимляне называются «пелишти» (от топонимического «Пелешет»).

Имя «Шимшон» никак не может свидетельствовать о проникновении вавилонского культа Шамаша в Палестину (стр. 335), так как оно закономерно образовано от древнееврейского слова «шеш» — «солнце».

В древнееврейском языке нет приводимых автором (стр. 338) слов «аума» и «аема» ².

Совершенно неверно, по нашему мнению, утверждение (стр. 338), будто жена и дети у евреев оставались в роде матери. Жена, действительно, была хозяйкой палатки, но в том же смысле, как в русской деревне жена являлась хозяйкой всей утвари в избе, домашней птицы и т. д., а муж — поля, скота и инвентаря. Древнееврейская семья — типичная патриархальная семья, и такой ее считали Маркс и Энгельс ³.

К главе XIV

В одной и той же фразе назван сначала бог «Рамман», потом бог «Адад» (стр. 356). На самом деле это один и тот же бог; «Рамман» — устаревшее чтение идеограммы.

Торговые города в составе Ассирийской державы управлялись не «особыми градоначальниками» (стр. 386), а советами старейшин.

Тиглатпаласар III не мог нанести «сильного удара сабейским племенам Аравии» (стр. 388), ибо последние жили на 2000 км южнее Газы — крайнего пункта на юге, до которого доходили войска Тиглатпаласара.

Меродах-Баладан был не «сын Якины», а «уроженец племени Бит-Якин» (ассирийское *mâr Jakîna*); *ereg šadê* (букв. «пыль гор») означает «руда» (стр. 387).

Против Синахериба восстал не Тир (стр. 390), а Сидон. Следовало бы указать, что поход Синахериба морским путем против Элама окончился для ассирийцев поражением.

Персы, вопреки утверждению автора (на стр. 392), не жили ни к северу, ни к востоку от Ассирии и в числе кочевых племен в подписях VII в. не упоминаются.

Ашшурбанипал умер не в 626 г., а, как теперь установлено, в 633 или 631 (стр. 393). Мидяне и вавилоняне обрушались, конечно, на Ассирию, а не на Вавилон (там же).

¹ См., например, Б. Б. Piotrovskij, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 58.

² Судя по приводимым автором транскрипциям, ему неизвестно, что семитские буквы «алеф» и «айн» выражают не гласные, а согласные. Читай «умма» и «эм».

³ См. например, К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XVI, ч. 1, стр. 40 и 44; ср. Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 8 и 50.

К главе XV

Очерк археологии Кавказа и Закавказья (стр. 401—402) грешит смешением **самых** различных по месту и времени культур.

На стр. 405 автор пишет: «Верховным собственником земли и всех богатств (в Урарту.— *Рец.*) являлся царь. Наряду с частными хозяйствами существовали и крупные храмовые и государственные хозяйства, в которых работали рабы». Обо всем этом источники не говорят ни о **одного** слова. Земельные отношения в Урарту пока еще абсолютно не известны, если не считать того, что цари владели садами, рощами и полями.

К главе XVI

Тир не был взят Навуходоносором II (стр. 420). Он пошел лишь на уступки и уплаты дани. Впервые Тир был занят только Александром Македонским.

К главе XVII

Неверно, что в Иране приручили зебу, барана, лошадь и т. д. индоевропейские племена. Бык зебу был приручен еще в III или даже IV тысячелетия на всем протяжении от Тигра до Инда, когда об индоевропейцах еще и помину не было. То же, песомненно, верно и в отношении барана. Вопрос о приручении лошади спорен, но, во всяком случае, нет оснований приписывать его именно индоевропейцам Ирана. Диское колесо гораздо старше коневодства (стр. 450) и известно с IV тысячелетия. Также и в Египте колеса, вопреки мнению автора (стр. 247), были известны еще в Древнем царстве.

Далукку (стр. 452) не был вождем племени маннеев, а, наоборот, восстал против маннеев. Текст называет его «пачальником поселения (в) стране маннеев», но это не означает, что сам он был манней.

Отдельные страны, покоренные Киром, вопреки автору (стр. 459), не восстали при вступлении на престол Камбиза. Восстание началось лишь после смерти Камбиза и, вероятно, после смерти узурпатора Гауматы.

Спорным представляется раздел, посвященный религии и культуре персов (стр. 472—476). Начать с того, что Авеста (или, как иногда пишет автор, «Зенд-Авеста», пользуясь термином, ошибочность которого установлена еще в XIX в.) безоговорочно приписывается персам. Между тем известно, что Авеста написана не на персидском, а на другом иранском языке и относится некоторыми исследователями к Мидии, другими — к Бактрии, а рядом советских и зарубежных исследователей — к Средней Азии. Неверно переведено имя верховного бога иранцев Ахурамазды («Возвышенная мудрость» вместо «Премудрый дух» или «Премудрый святой»). Неверно утверждение о наличии в Ахеменидской державе «единой государственной религии» — ни в Вавилонии, ни в Египте, ни в Палестине, ни во многих других областях державы в источниках нет и намека на культ Ахурамазды.

Абсолютно неубедительно, на основании поверхностных сходств, мифология «древних персов» (или, точнее говоря, Авесты) выводится (на стр. 474) из ассиро-вавилонских влияний. В той мере, в какой это приведено автором, подобные сходства наблюдаются между мифологиями всех народов — от Сандвичевых островов до берегов Атлантического океана и от Мексики до Китая (мифы о светом божестве-змееборце, о всемирной катастрофе и т. д.) и объясняются законами развития мышления на ранних ступенях развития производительных сил. В пределах общих законов мифотворчества мифы Авесты, по сравнению с ассиро-вавилонскими, вполне самобытны.

Укажем также на ряд более мелких фактических неточностей. Город Мари находился не «к западу от среднего течения Евфрата» (стр. 23), а на самом Евфрате.

Эпос «Энума элиш» (стр. 100), безусловно, моложе Хаммураби.

Так называемые энigmatические надписи позднего Египта считать «совершенно недешифрованными» (стр. 127) теперь уже нельзя.

Бронза засвидетельствована в Египте уже в период III династии, т. е. задолго до Среднего царства. Обтесывать гранит было возможно только при помощи бронзовых орудий (стр. 183).

Нельзя говорить, что хеттские памятники были найдены «в Джерабисе и на Евфрате» (стр. 280), так как Джерабис (древний Каркемиш или Кархемыш) лежит именно на Евфрате.

Степы урартских крепостей достигали в толщину не 1 метра (стр. 404), а 6 и более. В Кармир-Блурском дворце даже стены внутренних помещений имеют в толщину более 2 метров.

Торговцы назывались в Египте «шуты» (а не «шун», стр. 427): $\frac{1}{10}$ дебена называлась «кит», а не «ките».

Следует отметить также и некоторые неточности изложения.

В IV тысячелетии в Шумере существовала только устная словесность. Древнейшие литературные тексты (если не считать посвячительных надписей и т. п.) появляются в Шумере только во второй половине III тысячелетия до н. э. (стр. 99).

Как известно, фресковая живопись выполняется по сырой поверхности стены, тогда как в Египте роспись стен всегда наносилась по сухой поверхности. Следовательно, называть древнеегипетские росписи «фресками» нельзя (стр. 157 и др.).

Нельзя писать о периоде расцвета Среднего царства: «Стремись к объединению государства, египетские фараоны пытаются ввести в рамки неограниченный произвол чрезмерно усилившихся номархов...» (стр. 192). Ведь в это время объединение государства — давно совершившееся событие; речь, видимо, идет о той борьбе, которую вели египетские цари с номархами, стремясь лишить их последних остатков самостоятельности, приобретенной ими за время между Древним и Средним царством.

Деление Египта в период XVIII династии на «два больших административных округа» (стр. 238), т. е. на Верхний и Нижний Египет, — явление отнюдь не новое: оно существует со времени образования единого государства (об этом говорит и проф. Авдиев на стр. 154). Если под «наместниками фараона» имеются в виду два везира, то следует отметить 1) что не во все периоды Нового царства имелось по два везира, и 2) что наличие двух везирей имело целью отнюдь не достигнуть большей централизации управления, а, наоборот, рассредоточить власть везира между двумя лицами и тем самым сделать ее менее опасной для фараона (эта должность в начале XVIII династии была наследственной).

Формулировка: «Однако это время (речь идет о Новом царстве. — *Рец.*) было уже упадком политической мощи египетского государства, которое потеряло не только свои владения, но и почти весь свой авторитет в Передней Азии» (стр. 261) правильна для того времени, к которому относится «путешествие Улу-Амона», т. е. для XXI династии, а также и последующих времен. Но так как процитированная фраза непосредственно следует за замечанием: «В эпоху Нового царства географический кругозор древних египтян еще больше расширился», у читателя не может не создаться впечатления, что весь период Нового царства и есть период упадка.

Не совсем понятна фраза: «Ассирийские цари, начиная с XII века, совершая свои военные походы в Малую Азию, неоднократно громили Хеттское царство» (стр. 298). Начиная с XII в. Хеттского царства уже не существовало; да и никто из ассирийских царей, повидимому, не переходил через Тавр до VIII в. до н. э.

В главе о хеттах совершенно не упомянут важный вопрос об отношениях их государства с Эгейским морем — с Троей и ахейцами — «Аххива».

В главе о Палестине в географическом очерке вовсе не упомянуто Мертвое море.

В той же главе дважды (на стр. 328 и 350) упоминают о том, что, согласно Библии, в 622 г. до н. э. была найдена «Книга Закона», легшая в основу библейского Второзакония. Следовало бы подчеркнуть, что, по общепринятому мнению, она была жрецами сочинена (сфальсифицирована) *ad hoc*.

Ханаanei, конечно, не «племя» (стр. 330), а общее название населения Палестины и Финикии, где, несомненно, жило много племен.

На стр. 348 впервые упоминается Арамейское царство, хотя о заселении Сири арамеями пигде не упомянуто. Не упомянуто также о многочисленных походах ассирийцев на территорию Палестины. Поэтому не видно, что Иудея жила в постоянном страхе за свое существование, и складывается впечатление, что единственным соприкосновением евреев с Ассирией было взятие Саргоном II Самарии в 722 г.

Нельзя говорить, что в деловых документах из Кюльтепе «наряду с ассирийскими именами встречаются аккадские» (стр. 364). Это все равно, что сказать: «наряду с вологодскими именами встречаются русские».

Совершенно непонятно, почему чисто аккадское имя Энлильбани «указывает на стремление ассирийских царей подчеркнуть преемственную связь с древним Шумером» (стр. 367).

Неясно, во главе каких «сирийских княжеств» мог встать Сидон при Асархаддоне (стр. 391). Вся Сирия в это время была превращена в ассирийские наместничества.

На стр. 415 из авторского текста может создаться впечатление, что купля-продажа недвижимости и рабов и фиксация этих сделок документами появляется в Вавилонии лишь в VI в. до н. э. На самом деле нам известны такие сделки в письменном виде с первой половины III тысячелетия до н. э.

На стр. 417 автор утверждает, что «положение рабов (в нововавилонский период.—*Рец.*) резко ухудшается». Несколько строками ниже говорится, что «рабам разрешают иметь (в отличие от более ранних периодов истории Двуречья!—*Рец.*) маленькую частную собственность» (следовательно, даже не пекулий!). Это нельзя называть ухудшением положения рабов, да еще «резким».

Многие положения автора представляются нам спорными.

Эпос Гильгамеша, по нашему мнению, не содержит воспоминаний о борьбе с Эламом (стр. 29): Хумбабу связывают теперь не с Эламом, а с Сирией.

Шумерийцы, действительно, приручали антилоп, но едва ли запрягали их в плуг (стр. 42).

Отождествление Ярмути с Яримутой в Палестине (стр. 59) теперь оставлено. Ярмути, по новым данным, пахотился в Северной Месопотамии.

Документ, процитированный на стр. 81, не обязательно означает, что царь имел право на всякую выморочную землю. Речь здесь, скорее всего, идет о человеке, пользовавшемся служебным наделом на царской земле.

На стр. 86 упоминается о восстании Римсина против сына Хаммураби — Самсунлуны. Это восстание произошло около 1741 г., но Римсин, организовавший его, едва ли мог быть, как кажется автору, одноименным царем Ларсы, взятым в плен Хаммураби в 1764 г.: правление Римсина I началось еще в 1825 г., а отец его Кутурмапук умер на пять лет раньше; следовательно, Римсину I, даже если он родился в год смерти своего отца и если он не был казнен и был жив в 1741 г., что мало вероятно, должно было быть никак не менее 90 лет!

Автор неправильно называет Илумаиду (лучше Эльмаида), первого царя Приморской династии, царем Исина (стр. 87). Едва ли Приморская династия может быть безоговорочно названа «династией шумерийских царей». Часть из этих царей, действительно, носит сильно искаженные шумерийские имена, что свидетельствует о том, что в болотах у лагуны Персидского залива, может быть, еще сохранился шумерийский говор; но сам Эльмаида носит аморитское имя, а его два преемника и последний царь династии Загамиль — чисто вавилонские.

Едва ли цена на рабов, указанная для касситского времени на стр. 88 (7—10 сиклей, или ок. 80 г золота), может считаться показателем «дальнейшего развития рабовладения». 10 сиклей золота — это, при высокой стоимости золота в касситское вре-

мя¹, не меньше, а скорее значительно больше цены, существовавшей при Хаммураби (в среднем — 20 сиклей серебра).

Следовало бы указать, что XII таблица поэмы о Гильгамеше, с ее официально-жреческой пессимистической концовкой, является интерполяцией.

Неправильно истолкован текст «Поэмы о страдающем праведнике» (стр. 107). Герой поэмы вовсе не «уверен в своей правоте». Последняя строка приводимой автором цитаты кончается в подлиннике пожеланием: «Воистину знать бы, что это приятно для бога!», после чего герой заявляет, что поступки людей, кажущиеся им правильными, могут в глазах богов оказаться неправильными, так как пути богов неисповедимы.

Грубые формы раннешумерской скульптуры вряд ли объясняются только неумением скульптора (стр. 109). Еще более раннее изобразительное искусство периода Урука и Джемдет-Насра знает более правильную передачу человеческого лица и тела. Очевидно, дело в определенном стиле.

Едва ли различие четырех стран света (т. е. севера, юга, востока и запада) можно причислить к астрономическим достижениям (стр. 112). Следовало бы выбрать более удачный пример. Знание имен планет (как божеств!) и включение их в собственные имена (кстати, только в позднее время) не свидетельствует о широком распространении астрономических знаний — разве что астрологических!

Нельзя сказать, чтобы знания вавилонян в области филологии были «очень незначительными». По сравнению с другими накопленными ими знаниями и в особенности по сравнению с другими народами древнего Востока (стр. 113) они вовсе не были незначительны. Существовали словари, грамматические и даже этимологические пособия и т. д.

Недостаток пахотной земли в Древнем царстве Египта (стр. 158) предполагается, пожалуй, в слишком раннюю эпоху. Во всяком случае, не от этого зависело разведение скота, выгоном для которого служили заболоченные земли, имевшиеся тогда еще в большом количестве. Обработка дерева впоследствии имела, конечно, не меньшее значение, чем в Древнем царстве. Достаточно вспомнить создание при Тутмосе III больших корабельных верфей.

В противоположность джаджату, кенбет, по нашему мнению, никогда не был общинным советом; в роли органа управления или суда кенбет ни разу не упоминается в текстах, относящихся к Древнему царству, в это время такую роль выполнял джаджат; однако уже ко времени Древнего царства и джаджат перестал быть органом общинного самоуправления и превратился в орган царской власти (стр. 163).

Рассуждения об «единопаследии» старшего сына в Египте (стр. 163—164) являются ошибочными, хотя какие-то преимущества в наследстве он, по видимому, имел и в случае наличия неразделенной большесемейной собственности являлся ее управителем.

Мнение о том, что размеры и план пирамид могли изменяться в процессе строительства (стр. 169—170), ныне отвергнуто.

Нигде в рассказе Синухета не говорится о том, что главной собственностью египтянина были «рабы и стада» (стр. 194). Правда, Синухет говорит о том, что после своей победы над вызвавшим его на единоборство сирийцем он обогатился, забрав скот побежденного. Но ведь тут речь идет о Сирии, находившейся еще в условиях полукочевого быта. В Египте же, после своего возвращения, Синухет получает дом, сад и поля, обеспечившие его заупокойный культ.

Едва ли алфавитная клинопись Рас-Шамры возникла на основе вавилонской клинописи (стр. 315, 318). Гораздо убедительнее теория, считающая, что письменность Рас-Шамры — специфическое приспособление архаического семитского алфавита к письму на глине.

¹ Ср. письма касситских царей к фараонам из Телль-амарнского архива (K n u d t - 2 o n, El-Amarna Briefe, №№ 1—5), где переговоры идут о присылке от 2 до 40 мин золота. Только один раз (там же, № 14) фараон прислал 600 кг золотых изделий.

Весьма сомнительно упоминание в текстах Рас-Шамры племени Зебулон, Терах и города Ашдод. Что касается топонимического термина qdš «святой», то он очень распространен, и его нельзя с уверенностью отождествить с известным Кадешем египетских текстов.

Весьма упрощенно трактует автор проблемы «хабиру» (стр. 330 и 334), которые прямо отождествляются с предками евреев («ибрим»). На самом деле, как мы теперь знаем, «хабиру» (или «хапиру») — термин не племенной (упоминаются, например, аккадянки «хабиру»), а скорее, означает «кочевник, бродяга».

Не следует, подобно западноевропейским ученым, переводить древнееврейское *ir*, как «город» (стр. 347). Подобно аккадскому *âlu*, так называлось всякое поселение, со стенами (первоначально — обитное), на что указывалось в советской литературе¹.

В ассирийском законе (стр. 362) идет речь не о «границе арыков с водой» (?), а о «границе жребиев», т. е. полевых участков; раньше, правда, вместо «*rûgu*» — «жребий» читали здесь «*ûbûcu*» — «колодец»; но и при таком чтении понимали этот термин, как «участок с колодецем».

Говоря о староассирийском периоде (XXI—XIX вв. до н. э. — время существования ассирийских колоний в Каппадокии), нельзя утверждать, что «Ассирийские цари в своих надписях часто пишут о том, как они совершали походы в соседние страны. Эти набегии сопровождалась захватом большого количества пленников». Первые данные о завоеваниях чужих стран имеются лишь в надписи Шамши-Адада I (ок. 1800 г.), если не считать смутного упоминания о «добыче из Гасура» в краткой похвальной надписи XXIII (?) в. и надписи Илущумы, говорящей об «освобождении» аккадских городов. О захвате пленных ни одна ассирийская надпись ранее 1400 г. до н. э. не дает никаких данных.

Нельзя говорить, что ассирийцы «были близки к семитам Аккада и аморитам»: ассирийцы были частью аккадцев и говорили на диалекте аккадского языка; амориты стояли от аккадцев гораздо дальше, а их язык принадлежал к другой (северо-западной) группе семитских языков (стр. 365).

В Ассирии, в противоположность утверждаемому на стр. 366, раб никогда не назывался «штука» или «тело». «Душа» здесь также не значит «раб». Совершенно неправильно истолкован § 2 таблицы «Б» ассирийского судебного кодекса. Речь здесь идет вовсе не о рабах, а о порядке ответственности членов семейной общины за совершенное одним из них убийство. Убийцу выдают головой главе семьи убитого, который забирает также надел убийцы; а продажа рабов известна не «значительно позже» описываемого времени, а гораздо раньше (в Шумере — еще до Урукгаины, в Ассирии — со староассирийского периода).

Неверно, что Ассирия была расположена вдали от высокоразвитых центров древневосточной культуры (стр. 366). Наоборот, она была расположена очень близко к целому ряду таких центров, и притом на самом узле связывавших их путей.

Текст «Предсказаний царю» (обработанный и переведенный одним из рецензентов²), полагаем, является не разрешением восставать против царя (стр. 367), а политическим памфлетом, облеченным в форму предсказаний гадателей. В утверждении, что вестивого царя боги карают восстанием, содержится лишь косвенная угроза, но не установление какого-либо «права» восстания. Едва ли этот текст VIII—VII вв. до н. э. следовало привлекать как иллюстрацию состояния общества III—II тысячелетий до н. э. и, наоборот, ассирийские законы середины II тысячелетия — для характеристики ассирийского общества I тысячелетия.

Из текста, приводимого на стр. 379—380, проф. Авдиен делает вывод, что в Ассирии позднего времени войны получали мелкие земельные наделы и сами, без рабов,

¹ Н. М. Никольский, Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иудеи (в книге А. Б. Рановича, Очерк истории древнееврейской религии), стр. VIII.

² И. М. Дьяконов, Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э., ВДИ, 1946, № 4, стр. 41 сл.

обрабатывали землю. Этот вывод основан на неполном и неверном переводе данного текста, который в действительности гласит: «Отец царя, моего господина, дал мне 10 имеров пашши в (области) Халахха. 14 лет я пользовался (этим) полем, никто его у меня не оспаривал. Теперь же пришел правитель области Бархальса, выгнал моего (раба)-земледелец (еггёси), разграбил его дом и насильно забрал мое поле. Царь, господин мой, знает, что я бедняк (букв. мушкену), и есуслу жбу царя, моего господина, и не покидаю дворца» и т. д. Речь идет, стало быть, о дворцовом служащем, мелком рабовладельце. Воины в Ассирии этого времени, как правило, не получали никаких наделов и не были «военными колонистами», как пишет автор. Постоянное войско ассирийского царя называлось *kišig šagūti*, что значит «царский отряд (или полк)», а не «узел царства». Несколькими строчками ниже автор правильнее переводит *kišgu* как «мелкое соединение» (вполне правильно было бы «часть» или «отряд»).

Нельзя согласиться с тем, что битва при Каркаре была крупной победой ассирийцев (стр. 373); мы считаем, что это, наоборот, было их крупным поражением, в результате которого ассирийцы, как известно, эвакуировали Сирию и не показывались там в течение ряда лет.

Новое административное деление, введенное Тиглатпаласаром III во второй половине VIII в., нельзя объяснять смешением племен. Существовавшее до Тиглатпаласара административное деление было, как и позднейшее, чисто территориальным и не имело отношения к племенному делению. Цель нового деления заключалась в ослаблении наместников (стр. 385).

Неудачу Меродах-Баладана в борьбе против Саргона (стр. 389) следует, по нашему мнению, объяснять недовольством в а в и л о н с к и х (а не халдейских!) городов: это недовольство было вызвано не убытками, которые вавилонская знать несла от военных действий, а тем, что Меродах-Баладан, как известно, конфисковал и передал халдеям земли вавилонян и посадил вожаков последних в тюрьму.

Трудно поверить, чтобы ассирийцам нужно было заимствовать откуда бы то ни было такой материал, как кирпич! (стр. 393).

Не доказано, что урартские цари в своих походах на север выходили за пределы современной Армянской ССР (стр. 397).

Нам не известно достоверных случаев заимствования урартских слов в ассирийский язык (там же).

Нет никакого основания полагать, что народ урартов сложился в долине Аракса (стр. 402), — туда урарты попадают только при Менуа, в начале VIII в., о чем сам автор пишет на стр. 403. Гораздо вероятнее, что первоначальным их центром был, как думает К. Меликишвили, Мусасир на юге урартской области.

На стр. 408 автор повторяет укрепившееся со времен Сэйса мнение, что урартский царь Аргишти воевал с ассирийским царем Ашшурданом. Это мнение основано на недоразумении: в Хорхорской летописи Аргишти говорится не об Ашшурдане, а о западно-иранском племени Арсита, или Харсита.

Цена в 20 дебнов серебра за раба при XXI династии, о которой пишет проф. Авдиев (стр. 427), — это исключительная цена: она была уплачена фараоном за рабыню, отличавшуюся, видимо, какими-то особыми качествами. Нормальная же цена была значительно ниже: в той же надписи сообщается, что 6 мужчин было куплено фараоном по 3 дебна и 1 кит, а один мужчина и три женщины по цене $5\frac{2}{3}$ кит серебра¹. Естественно, что говорить о повышении стоимости раба при XXI династии не приходится.

Неясно, о каком «монотеизме» может идти речь при XVIII и XIX(?) династиях (стр. 437), когда даже «монотеизм» Амарнского времени весьма сомнителен. Нет необходимости прибегать к «иноземному влиянию», чтобы объяснить библейское едино-

¹ См. все эти данные в статье И. Лурье, Стоимость раба в древнем Египте, ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 65 сл.

божие. Каким образом монотеизм, якобы существовавший в Египте в XVI—XI вв. мог повлиять на сложение монотеистического учения о Яхве в VI в. до н. э.?

Хотя само положение о проникновении иноземных влияний в Египет позднего времени (стр. 438) и не вызывает сомнений, с примерами, подтверждающими это положение, согласиться невозможно. Жертва всесождения известна в Египте, во всяком случае, в Среднем царстве (сказка о потерпевшем кораблекрушение). Культ Нейт был распространен в течение всей истории Египта; усиление ее культа при ливийцах связано с тем, что центр ее почитания стал столицей Египта. Культ Бэса был широко распространен и при XVIII—XX династиях. Едва ли правильно утверждение, что ливийские и эфиопские завоеватели «распространяют в Египте свой язык, обычаи и религиозные верования» (стр. 438; правильнее на стр. 436 о политике ливийских и эфиопских царей).

Парсуа, упоминаемая в надписи Салманасара III в связи с Наири (Армянским нагорьем) и страной мидян, к персам, населявшим Персиду на юге Ирана (стр. 445), с нашей точки зрения, не имеет отношения. Эта страна Парсуа, расположенная в верховьях Большого Заба и Адема, с VIII в. вошла в состав Ассирийской державы и находилась в ее составе вплоть до ее падения.

Из источников не следует, что в восстаниях против Дария принимали участие рабы (стр. 462). Вообще история воцарения Дария I, весьма сложная и еще более осложненная религиозной борьбой, дана автором крайне упрощенно. Во всяком случае, следовало указать на существование различных точек зрения по этому вопросу.

Неправильно дан перечень восставших стран по Бехистунской надписи. Слово «Египет» в подлиннике отсутствует: на его месте лакуна, которую можно заполнять различно (стр. 462).

Не можем мы согласиться и со многими утверждениями автора в области этнических и языковых проблем. Так, например, трудно согласиться с автором в вопросе о соотношении переднеазиатских этнических групп. Как видно из таких мест, как стр. 31, 39, 307, 308, 359, 445 и ряда других, автору неизвестно, что хуррийцы¹, субарейцы и митаннийцы — одно и то же, что разница между ними чисто терминологическая и что Ханигальбат — другое название Митанни. Это приводит к недоразумениям, например, на стр. 359, где различается субарейское влияние на Ассирию от митаннийского. В ряде мест (например, стр. 32), ссылаясь на акад. Н. Я. Марра, автор говорит о родстве ряда народов древнего Востока с яфетическими народами Кавказа и Закавказья. Между тем Н. Я. Марр на высшем этапе развития нового учения о языке говорил в данном случае не столько о родстве, сколько о стадиальной близости. Вопрос о материальном родстве отдельных древневосточных языков с отдельными кавказскими остается пока открытым. Кстати, едва ли правильно говорить о языках, находящихся на «уровне развития яфетических» (стр., 41), потому что это создает представление, будто бы современные яфетические языки, например грузинский, более примитивны, чем, скажем, индоевропейские: на самом деле они сохраняют лишь более архаическую структуру предложения, — эргативную конструкцию, очевидно, вследствие ускоренного на каком-то этапе развития общества данных народов и его мышления по сравнению с языковой формой, поскольку языковая форма более застойна в своем развитии; другие же народы, развивавшиеся медленнее или равномернее, успели изменить и языковую форму параллельно изменению мышления. Еще более неправильно говорить о большей развитости языков флективных по сравнению с агглютинирующими (стр. 41).

Неправильно также объединять вместе такие языки и народы, как касситский, лулубейский, эламский, гутийский, протохеттский, субарейский и хурритский (стр. 445). Эламиты (вероятно, вместе с близкими к ним касситами) составляют одну группу, уарты и хурриты (или, что то же самое, субарейцы) — другую, протохетты — третью, шумерийцы — четвертую; между их языками ни в лексике, ни в грамматике

¹ Термин «хуррийцы» (стр. 282 и 285) основан на ошибочном чтении слогового знака.

пока не установлено ни малейшего достоверного сходства, за исключением того, что всем этим языкам свойственна эргативная, а не общая индоевропейским, семитским, тюркским и другим языкам номинативная конструкция предложения. Что касается дулубеев и гутиев, то об их языке решительно ничего не известно. С другой стороны, следует отметить как положительный факт, что автор четко отделяет яфетический протохеттский язык от собственно хеттских языков (стр. 282).

К указанным фактическим ошибкам и неточностям автора надо прибавить множество погрешностей в написании собственных имен, объясняющихся отчасти устаревшими чтениями (например, «Хирхуф» вместо «Хуефхор»), отчасти использованием немецкими и английскими источниками («Ашурназирпал» вм. «Ашшурнасирапал», «Рамзес» вм. Рамсес), «бел-паххати» вм. «бел-пахати» — ср. «английское» *bēl-pakhāti*, «Аррафа» вм. «Аррапха» и многие другие). Почему в ряде случаев теофорные имена переданы при помощи дефиса, тогда как в других они написаны слитно? Часто из-за пользования различными пособиями, употребляющими разную транскрипцию, автор не замечает, что речь идет об одном и том же термине (например, что «Ганиш» на стр. 60, 62 — тоже самое, что «Канес» на стр. 283, 288, 290).

Многими ошибками грешат и приложенные к книге карты¹.

Напрасно автор не оговаривает, какой из многочисленных систем хронологии он пользуется.

Таким образом, книга нуждается во многих коррективах, список которых мы не исчерпали: мы надеемся, что в новом издании это будет учтено автором; тем самым, несомненно, повысится ценность рецензируемого курса.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов уже не по поводу самой книги проф. Авдиева, а о вузовской программе по истории древнего Востока.

Во-первых, что такое история древнего Востока для советской науки? Очевидно, история рабовладельческой формации на Востоке. Но если так, то почему программа доводит изложение истории большинства стран древнего Востока до VI—V вв. до н. э. и только для Индии и Китая делается исключение и изложение доводится до III в. до н. э.? Ведь рабовладельческая формация на всем Востоке длилась, по крайней мере, до III в. н. э. Почему, например, история Ирана должна обрываться на царствовании Дария I, а о походах Александра Македонского студент должен узнавать только в связи с историей Индии?

Если же речь идет не о специально восточных рабовладельческих обществах, а вообще об обществах, стоявших на ранних этапах развития рабовладельческой формации, то почему исключается близкое к древневосточным и тесно с ними связанное крито-микенское общество?

При существующей программе фактически пропадает длительный и очень важный период в истории Востока — с V в. до н. э. до VI в. н. э., о котором обычно не говорится ни в курсе истории Греции и Рима, ни в курсе истории Средних веков. Между тем именно в этот период в истории Востока играют важную роль народы, населившие территории Советского Союза — иберы, армяне, согдийцы, греко-фактрийцы, кушаны

¹ Особенно карты Верхней Месопотамии (стр. 360—361) и Персидского государства (стр. 456—457). На первой из этих карт Субарту — аккадский термин для Верхней Месопотамии и Ассирии — помещено у истоков Тигра, Урарту — в верховьях Верхнего Заба (вместо района озера Ван). Керкук — не древнее, а современное название (на большинстве карт древние и современные названия вообще не различаются). Вся карта покрыта паутиной пунктирных линий, никак не объясненных. На карте Персидского государства сдвинуты названия многих сатрапий, в результате чего Пасаргады из Персиды попали в Карманию, а Сарды — из Лидии в Ионию. Неправильно показаны Бактры; Хорезм помещен в Каракумах. На большинстве карт смешаны разные периоды исторической географии.

Ни в самой книге проф. В. И. Авдиева, ни в приложенных картах не указано существование лагуны Персидского залива, и создается впечатление, что Тигр и Евфрат впадали прямо в самый залив.

и др. В этот же период возникают предпосылки создания позднейших культур Запада и Востока и происходит важный процесс смены формации.

Нужно включить в курс «Истории древнего Востока» также историю древней Средней Азии, создающуюся, а в значительной мере уже созданную в настоящее время трудами целой плеяды советских исследователей и имеющую для советского студента безусловный интерес.

Мы надеемся, что дальнейшие издания учебников по истории древнего Востока будут уже следовать новым и более последовательным программам.

И. М. Лурье и И. М. Дьяконов

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН, Письма к Аттике, близким, брату Квинту, М. Бруту, 1 том. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, 534 стр., тираж 5000 экз., цена 25 руб.

В истекшем году вышел в свет первый том писем Цицерона в таком же прекрасном внешнем оформлении, как и «Записки Юлия Цезаря», появившиеся в прошлом 1948 г. Сам факт появления перевода писем Цицерона на русский язык имеет огромное значение и для историков, и для литературоведов; это первый полный русский перевод памятника, имеющего исключительно важное значение для изучения истории Рима I в. до н. э.

Античная литература, дошедшая до нас, не слишком богата эпистолографическим материалом; особенно это касается времени до нашей эры. Небольшое число писем Платона, подлинность которых до сих пор берется под сомнение, три письма Эпикура, мнимые письма Ксенофонта и немного других — вот то малое наследство, которое сохранилось от классической эпохи; эллинистическая эпистолография не представлена совсем, и только IV в. н. э. дает обильный материал в письмах Либания, императора Юлиана, Сinesия и других. Римская литература первых веков нашей эры дала нам письма Плиния Младшего (II в. н. э.) и Симмаха (IV в. н. э.). Для эпохи же римской республики единственным неоценимым эпистолографическим источником служат письма Цицерона.

Наличие говорить о том, насколько ценна для историка эпистолография вообще — письмо по самому своему характеру существенно отличается от всех других литературных памятников: оно пишется под непосредственным впечатлением от пережитых событий, иногда через несколько часов после того, как они произошли; оно передает те мелкие житейские подробности каждого события, которые впоследствии забываются, как якобы не имеющие важного значения, но которые нередко объясняют его глубоко лежащие скрытые корни и, во всяком случае, вносят в изображение его оживляющие черточки.

Надо, правда, учитывать, что письма многих крупных деятелей древнего мира не были исключительно «частными» письмами в нашем смысле слова. Они читались большей частью не только адресатом, но и его друзьями, а иногда и совсем незнакомыми с автором людьми; они обрабатывались впоследствии с точки зрения литературной формы самим автором или его секретарем, — для чего у автора всегда оставались копии с них, — и распространялись в многих списках; после смерти автора из них составлялись сборники, их читали и разбирали в школах, по ним учились литературному стилю, как по образцам. И все же, даже этот процесс перерождения субъективного документа в общедоступное литературное произведение не мог стереть с него того отпечатка непосредственности и жизненности, который был присущ ему по его природе.

Благоприятная судьба сохранила для нас из бурного I в. до н. э. письма именно того человека, который наиболее живо и многосторонне мог отразить в них эту непрерывно волнуемую эпоху. Можно, конечно, очень пожалеть о том, что мы не имеем подлинных писем крупнейших деятелей того времени и что мы создаем себе представление об их высказываниях по их, в большой степени фиктивным, речам и пись-